

ВАСИЛИЙ СТАЛИН

ПИСЬМА ИЗ ЗОНЫ

СТАНИСЛАВ
ГРИБАНОВ

Без срока давности...

Станислав Грибанов

Василий Сталин. Письма из зоны

«Алисторус»

2019

УДК 82-94
ББК 84(2)6

Грибанов С. В.

Василий Сталин. Письма из зоны / С. В. Грибанов —
«Алисторус», 2019 — (Без срока давности...)

ISBN 978-5-907211-75-9

Судьба младшего сына Иосифа Сталина после смерти отца 5 марта 1953 года сложилась трагически. Василий Сталин был арестован 28 апреля 1953 года и приговорен к 8 годам заключения за антисоветскую пропаганду. В тюрьме он заболел и фактически стал инвалидом. После отбытия срока наказания местом жительства ему был определен город Казань. Ему запретили жить в Москве и Грузии, а также носить фамилию «Сталин», в паспорте он именовался «Джугашвили». Умер 19 марта 1962 года. Правду последних лет жизни сына Сталина автор этой книги восстановил по архивным документам, воспоминаниям его однополчан и близких. Книга о прошлом, но она заставляет задуматься и о дне нынешнем. Впервые публикуются письма Василия Сталина из тюрьмы.

УДК 82-94

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907211-75-9

© Грибанов С. В., 2019

© Алисторус, 2019

Содержание

Заложники времени (пролог)	6
«Лично дисциплинирован, летать любит»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Станислав Грибанов
Василий Сталин. Письма из зоны

Без вины виноватым русских тюрем

Заложники времени (пролог)

Моя первая книга о Василии Сталине готовилась к выходу в свет, когда советская власть доживала последние дни. Формально она еще владела, казалось бы, несокрушимой державой, еще работали все ее институты: партия – ведущая и направляющая сила, Лубянка – ее надежный оплот, армия, застрявшая в боях с афганскими моджахедами. Ни одна заметка, ни одна статья в газете не могла тогда появиться без разрешения цензора, так что увидеть книгу о сыне Сталина – то, что удалось собрать в документах и воспоминаниях его современников, – я никак не рассчитывал, писал, как говорится, в стол. Дело в том, что имя генералиссимуса Сталина в исторической и мемуарной литературе проходило лишь в черных тонах или с оговорками «кузькиной мамы» времен Хрущева. Эта установка автоматически переносилась и на его сына. А мое «сочинение на свободную тему, где главным героем был летчик Василий по фамилии Сталин», в прокрустово ложе исторических пленумов да съездов партии не укладывалось. Так что писал – отводил душу! – вдруг «красные» придут и напечатают. А может, «белые»...

О жизни Василия Сталина более подробный рассказ я услышал однажды во время дружеского застолья в военном городке штаба южного авиационного корпуса, который дислоцировался некогда в Виттенберге – это на территории, уже ушедшей в историю Германии, ее рабоче-крестьянской республики. В уютном домике по улице Рябиновой хозяин его, генерал Микоян – милейший Алексей Анастасович, щедро угощал меня, Бог весть каким ветром занесенной в Европу, кавказской бастурмой, которая под немецкий «Weinbrand» (попросту «Ванькин брат») шла тоже неплохо.

Помню, выпили мы по одной – за встречу. Солдатская судьба сводила нас сначала в белорусских краях – на аэродроме Рось, потом уже у немцев, в городке Кётен и Цербсте, где генерал Микоян командовал истребительной авиадивизией, а я заканчивал свою боевую вахту с дневными и ночными бдениями в дежурном звене да перехватами рыскающих вдоль границы наглых американских пилотяг. Когда выпили по второй – за тех, кто не вернулся из полета, – Алексей Анастасович достал семейный альбом и принялся подробно представлять каждого из своих родных и близких. Возможно, случайно мое внимание остановилось на снимке одного из братьев Микоянов. «Это Володя, – ответил на вопрос Алексей Анастасович. – Ему было девятнадцать лет, когда он погиб под Сталинградом. Их полк собрал там Василий Сталин».

Упоминание имени сына Сталина, откровенно говоря, пролетело тогда мимо ушей. О нем по аэродромам ходили легенды, разобраться в которых, где там была правда, а где вранье – вряд ли кто смог бы. Круто поработала на эту тему и хрущевская пропаганда. Никита уже разоблачил культ личности Сталина. кремлевская камарилья до высот небожителей уже подняла его самого – Хрущев стал четырежды Героем! А на горизонте уже занималась заря очередной перестройки святой Руси. Это, когда вместо обещанного коммунизма начальники Кремля развернули оглоблю и повели законопослушные массы назад, к капитализму...

Помню, среди пилотской братвы поговаривали, что сын Сталина о делишках кремлевских царедворцев знал много такого, что населению – по-нынешнему электорату – знать не полагалось. Вот за это его сначала упрятали на 8 лет в тюрьму, а потом сослали в Казань, где и убили...

В тридцатых-то годах, когда по всей стране гремели имена героев-летчиков, спасавших «челюскинцев», бесстрашных экипажей Чкалова и Громова, маханувших через Северный полюс в Америку, молодежь рвалась в небо! Естественно, что и дети Кремля не готовились в олигархи. Естественно ли? Но, прямо скажем, им-то было куда как проще, чем деревенскому парню, шагать по служебной лестнице – до тех же голубых лампас на форме военного летчика – или схлопотать орден с таким лакейским уточненьцем в представлении к награде: «...сын Никиты Сергеевича». Это о Леониде Хрущеве.

Словом, ни Василий Сталин, ни Степа Микоян (тоже генерал), ни его дружок Леня Хрущев, ни Щербаков, ни Булганин, ни Ярославский – золотая молодежь Кремля – меня совершенно не интересовали ни как летчика, ни как военного корреспондента. А вот судьба 19-летнего Володи Микояна, павшего в бою в небе Сталинграда, не могла не взволновать, и с воспоминаний на улице Рябиновой его брата Алексея до встреч в Кремле с их батюшкой, затем с бывшим в плену у немцев нашим солдатом – свидетелем последних минут жизни летчика – получился поистине захватывающий, не отпускающий тебя ни на один день журналистский поиск...

И вот тут деталь. Слушая рассказы о Володе его одноклассников, друзей по конноспортивному клубу, его однополчан, с кем, хоть и недолго, но довелось ему делить радость побед и горечь поражений, я невольно отмечал участие во всем – будь то школа, конный манеж или полевой аэродром – Василия Сталина. В памяти и сейчас живы встречи, лица, голоса людей – свидетелей событий давних лет. Великолепные конники – чемпионы страны Валентин Мишин, Сергей Маслов, Римма Леута, Валерия Минина... Потом пилоты – дерзкие воздушные бойцы – Герои Советского Союза Александр Котов, Андрей Баклан, Сергей Долгушин, Федор Прокopenко, Василий Бабков, Владимир Луцкий. Это было скрещение судеб дивного, неповторимого поколения – тоже уходящего в историю...

В полетах, честной мужской работе, полной романтики, риска и преодоления себя в небе, в боях за свободу Родины – тот кусочек земли, где ты родился, в которую когда-то уйдешь, как твои деда, которую не продашь и не променяешь за сытость в каком-то ином, историко-виртуальном пространстве – в этом поколение 30-х годов видело поистине Радость жизни! А радости-то жизни, известное дело, преходящи. Вот почему, мнится мне, в воспоминаниях да рассказах о 19-летнем летчике Володе Микояне все больше вырисовывался и другой портрет – Василия Сталина. Бескорыстный, беспредельно добрый, надежный в своей солдатской верности боевым друзьям – таким он остался в их памяти, несмотря на все наветы, несправедливость учиненного над ним суда и, ставшую уже генетической, ненависть российских фарисеев к одному даже слову – Сталин!

В ту пору еще благоденствовала так называемая «райская группа» – этакое творческое собрание отставных маршалов и генералов армии. Впрочем, формально в отставку они не уходили. Многим из них было что вспомнить об огнях-пожарищах и друзьях-товарищах. А вот право на издание военных мемуаров высочайшим постановлением закреплялось только за одним – нашим Военным издательством. Так что, являясь редактором военно-мемуарной литературы, отвечая за ее историческую и научно-техническую точность, идеологическую выдержанность, а еще и за литературную красоту изложения воспоминаний, с авторами их – большими шишками в военном-то кругу – приходилось быть тактичным, вежливым, но предельно откровенным. Замечу, и они, люди умудренные жизненным опытом, в солидном возрасте – некоторые-то еще в гражданскую войну своих «белых» братьев шашками рубили – вели себя достойно, выслушивали замечания редактора и выполняли все его требования. Проще говоря, работали творчески в проверенном армейском формате: ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак.

Но тешить свое самолюбие подобным «превосходством в высоте» занятие, прямо скажу, пустое. Работая над книгами авторов – героев войны, я, например, находил большее удовольствие слушать – о событиях и эпизодах, приключениях и просто интересных случаях из их жизни, о которых и сейчас еще подумаешь – да можно ли писать о том? А тогда, при военной-то цензуре и недремлющем оке политрабочих из ГлавПУРа, и говорить нечего было...

Да, собственно, авторы наши и сами понимали, что реально предлагать в книге для массового читателя, а что нельзя. Поэтому те, кто оказывался поосторожней, даже в задушевной беседе оговаривались: «Это не для печати». Ну, а более лихие из той «райской группы», такие, например, как прославленный летчик-истребитель Иван Кожедуб, без страха и сомнений, без

оглядок: «Что скажет княгиня Марья Алексевна», несли правду-матку как о жизни былой, так и о настоящей. Я несколько раз уговаривал Ивана Никитовича поработать над новой книгой его воспоминаний, но выдающийся ас, трижды Герой Советского Союза только отмахивался от таких предложений: «Хватит, уже есть одна моя книжка». А вот маршал Савицкий, напротив, войдя во вкус писательства – когда вышли в свет его военные мемуары, книга для юношества в «Молодой гвардии» – понятно, с классовых позиций – вдруг напрягся и неожиданно заявил: «Ну, а теперь я расскажу всю правду!»

Рассказать ту правду Евгений Яковлевич не успел, и я не берусь догадываться, что он имел в виду. В стране тогда во всю уже раскручивалась горбачевская перестройка с гласностью и каким-то «ускорением». В моду входил поиск дворянских корней, благородного происхождения, так что волнительные страницы воспоминаний о судьбоносных хождениях на Красную площадь – за советом к Ильичу! – стали необязательными. Я не сомневаюсь, что Евгений Яковлевич Савицкий рассказал бы что-то новое из своей жизни. Но война, боевые действия армейских соединений, которыми некогда командовали авторы военных мемуаров, их личное участие, скажем, в тех же воздушных боях, – все это, по-прежнему, строго сверялось по архивным документам, энциклопедиям и справочникам.

Как-то, готовя к изданию рукопись одного летчика, до «перестройки» успевшего стать маршалом авиации, я обратил его внимание на заметное расхождение в количестве выполненных им боевых вылетов на штурмовку: в официальных источниках была одна цифра, а в рукописи – в два раза больше. Маршал отмахнулся от такого несоответствия: «А! Мы не все вылеты учитывали!» Сермяжная правда в том была. Скажем, в начале войны, как вспоминал мой однополчанин Герой Советского Союза генерал Б. Н. Еремин, самолеты противника, сбитые группой, никому не записывали. Вообще не до арифметики было. Или вот знаменитый воздушный боец Александр Иванович Покрышкин – он одерживал победы и щедро относил сбитые им самолеты на счет ведомых. То была своего рода моральная поддержка молодых, еще не обстрелянных как следует летчиков.

И вот тут момент истины! В одну из встреч с однополчанами Володи Микояна, все еще выпрашивая о нем, его боевой работе, я снова услышал не раз повторяемое ветеранами имя их командира Василия Сталина. В 32-м гвардейском истребительном авиаполку, когда он им командовал, было уже десять Героев Советского Союза. Только за один год они сбили 184 самолета противника. Сыну Сталина запрещали совершать боевые вылеты. Позже по этому поводу мне говорил летчик чкаловского экипажа Герой Советского Союза генерал Г. Ф. Байдуков: «Одно время я командовал дивизией, работали с Васей на одном фронте и, признаюсь, нарушали приказ – умудрялись ходить на боевые задания»... Так вот, при том командир полка Сталин был абсолютно не тщеславен и тоже не следил за бухгалтерией войны, подсчетом да учетом сбитых в воздушных боях самолетов. Герой Советского Союза Федор Федорович Проккопенко доподлинно свидетельствует, что Василий Сталин в небе Сталинграда и на Калининском фронте одержал четыре победы. А в полковых документах сохранилась запись только одного сбитого самолета.

В мае 1944 года полковник Сталин вступил в командование 3-й гвардейской истребительной авиадивизией. Это генеральская должность, и в окружении-то подхалимов очередное звание сыну Сталина могли присвоить на следующий же день – с принятием командования дивизией. Но прошел год тяжелейшей войны – 1944-й. Сорок пятый – до Дня Победы, потом до конца его. Еще несколько послевоенных месяцев 1946 года. Василий Сталин командовал уже авиационным корпусом, а ходил все в звании командира полка. Нет, он не роптал, не жаловался по этому поводу батюшке. Потому что знал – именно отец первым воспротивится и, как уже было не раз, скажет: «Рано. Пусть в полковниках походит»...

И вот еще. Один знающий человек рассказал мне о представлении командира авиадивизии полковника В. И. Сталина к званию Героя Советского Союза. Узнав об этом, Василий решительно настоял об отмене того представления.

Дело было так. Только что закончилась война. У всех хорошее настроение. 24 июня в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Именно тогда июньским Указом многим было присвоено звание Героя Советского Союза. А 24 летчика стали дважды Героями. В том числе оказался и командир авиационного корпуса Е. Я. Савицкий, непосредственный начальник полковника В. И. Сталина.

Как-то к слову, верный друг и жена Василия Иосифовича Капиталина Георгиевна подтвердила представление его к высокой награде: «Вторая-то звезда Героя у Савицкого – Васина...» Какие на то были основания? Ну, вот, к примеру, приказ Верховного Главнокомандующего № 359 от 2 мая 1945 года – уже под занавес войны. В нем, в связи с завершением разгрома берлинской группировки и овладением войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов столицей Германии городом Берлином были отмечены летчики Главного маршала авиации А. А. Новикова, Главного маршала авиации А. Е. Голованова, генералов С. И. Руденко, С. А. Красовского, Е. Я. Савицкого, Е. М. Белецкого, Г. Н. Тупикова, Е. Ф. Логинова, Г. С. Счетчикова, В. Е. Нестерцева, В. Г. Рязанова, А. В. Утина, Б. К. Токарева, И. В. Крупского, А. З. Каравацкого, И. П. Скока, Б. А. Сиднева, И. М. Дзусова, С. В. Слюсарева, В. М. Забалуева, П. П. Архангельского, Г. И. Комарова и полковников В. И. Сталина, Д. Т. Никишина, А. И. Покрышкина и В. И. Александровича. К этому приказу приведу только один эпизод из боевых будней командира дивизии Сталина.

Дело было на многострадальной белорусской земле. Разворачивалась знаменитая стратегическая наступательная операция под кодовым названием «Багратион». Дивизии Сталина тогда предстояло действовать на Оршанском, Борисовском, а затем и Минском направлениях. Боевые задачи полкам были самые разнообразные – завоевание господства в воздухе, прикрытие наших наземных войск, разведка аэродромов и войск противника, штурмовка аэродромов, прикрытие боевых действий авиации.

В конце мая дивизия получила новые боевые машины Ла-5 с форсажным режимом, комдив распорядился получить полетные карты и приступить к изучению района предстоящих боевых действий. Вскоре полки дивизии Сталина перебазировались на аэродромы Изубри и Жваненки.

...23 июня 1944 года. В 9 часов утра после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. А вечером 24 июня Москва уже салютовала двадцатью артиллерийскими залпами войскам фронта, которые прорвали сильно укрепленную оборону противника, южнее Витебска продвинулись в глубину до 30 километров и расширили прорыв до 80 километров.

2 июля 1944 года Верховный Главнокомандующий отмечал в своем приказе успешные действия 3-го Белорусского фронта – войска его перерезали сообщения немцев из Москвы в Вильно и Лиду, 1-го Белорусского – в результате удара их конницы, танковых соединений и пехоты были отрезаны пути сообщения немцев из Минска на Брест и Лунинец. И вот тут поступила вводная комдиву Сталину. В 20–25 километрах восточнее Минска оказалась 4-я немецкая армия. Ликвидация ее означала бы катастрофу группировки противника на Минском направлении. Так что полки и управление 3-й истребительной авиадивизии не случайно получили приказ перелететь на аэродром Слепянка – это совсем рядом с Минском. Именно тут оставшаяся окруженной группировка немцев общей численностью до пяти дивизий пехоты с артиллерией и танками, стремясь прорваться на запад, к своим войскам, ринулась на Минск. Немцы полагали, что город еще в их руках и к исходу 5 июля, прорвав кольцо, подошли на восточные подступы к Минску. Создалась непосредственная угроза аэродрому Слепянка и частям дивизии полковника Сталина.

Сохранилось донесение комдива командиру корпуса об обстановке и действиях личного состава авиационных частей в бою, который академически именуется как ближний оборонительный. А проще – это, когда на тебя в упор направляют артиллерийские стволы, а ты сидишь в кабине боевой машины и ждешь залпа...

«Я принял решение спасти материальную часть, гвардейские знамена и секретные документы штаба дивизии и штабов частей, – позже напишет в боевом донесении полковник Сталин. – Для этого отдал приказ об эвакуации их на северо-восточную окраину Минска. Начальнику штаба дивизии подполковнику Черепову поручил организовать наземную оборону на подступах к аэродрому для охраны материальной части, так как с наступлением темноты без заранее организованного ночного старта поднять в воздух летный эшелон было невозможно.

Сам на У-2 убыл ночью на аэродром Докуково – для организации там ночного старта. Организовав старт, оставил для приема экипажей капитана Прокопенко и на Ли-2 вернулся в Слепянку. В случае крайней необходимости я уже был готов поднять самолеты в воздух.

К моему возвращению эвакуация штабов была закончена. Она прошла исключительно организованно и быстро. Под минометным обстрелом были спасены необходимое имущество, знамена, документация штабов. Начальником штаба нашей дивизии, командирами 43-й истребительной артиллерийской бригады и 1-й гвардейской Смоленской артбригады была организована надежная оборона на подступах к аэродрому.

Утром на штурмовку противника мы произвели 134 боевых вылета, израсходовали 13115 снарядов. Штурмовка парализовала группировку противника и раздробила его на мелкие группы.

После штурмовки летный эшелон был выведен из-под удара и перебазирован на аэродром Докуково. Личный состав управления дивизии вместе с техническим составом частей, взаимодействуя с артбригадами, уничтожили в наземном оборонительном бою 200 солдат и офицеров и захватили в плен 222 человека.

В борьбе с немецкими захватчиками стойкость и мужество проявили офицеры, сержанты и рядовые управления и частей дивизии, из числа которых отмечаю... (здесь большой список гвардейцев дивизии).

3-я гвардейская истребительная авиационная Брянская дивизия вверенного вам корпуса готова к выполнению любых боевых задач.

Командир 3 гв. истребительной авиадивизии В. Сталин».

Много это или мало для 23-летнего парня на одну ночь – судите сами. А чтобы еще ясней представить обстановку в полосе наступления наших войск, расскажу о случае, который произошел уже в середине августа на аэродроме Шауляй.

Выход в тот район угрожал вражеским коммуникациям, связывающим Восточную Пруссию с Прибалтикой. Немцы понимали это и делали отчаянные попытки остановить наступление Красной Армии. В полосу наступления 1-го Прибалтийского фронта немецкое командование перебросило крупные резервы и вот силами семи танковых и моторизованной дивизий противник наносил по нашим войскам сильные контрудары.

Вместе с дивизией Сталина на шауляйском аэродроме стоял полк торпедоносцев. Высокие темпы наступления вызвали в те дни ряд трудностей со снабжением частей боеприпасами, горючим, продовольствием. База морской авиации находилась вообще далеко – в Ленинграде, так что комдив Сталин, чем мог, помогал товарищам по оружию.

Но вот 16 августа два полка пехоты и около 80 танков противника из района Кельмы, два полка и до 200 танков из района Куршенай перешли в наступление на Шауляй. К исходу 17 августа они уже начали обстрел аэродрома. Торпедоносцы и истребители вынужденно взлетали: танки, казалось, вот-вот разворотят всю боевую технику. До конца на аэродроме оставались только два командира – 1-го гвардейского минно-торпедного авиаполка КБФ подполковник И. Борзов и комдив В. Сталин.

«Когда танки гитлеровцев вышли уже на окраину летного поля и открыли по нам огонь, на «Бостоне» младшего лейтенанта Муравьева лопнуло колесо и самолет замер на взлете, – вспоминал тот случай пилот торпедоносца Алексей Скрябин. – Я тогда предложил Муравьеву пробить из пистолета другое колесо и взлетать на ободах. Все лучше, чем оказаться под гусеницами немецких танков. Пилот согласился, сбросил на землю торпеду, и тут, глядим, бежит комдив истребителей. На ходу спрашивает, в чем дело? А сам уже все понял, прикинул ситуацию и командует: «Скорей к Борзову!» Иван Иванович взял экипаж на борт – мы взлетели. А последним аэродром оставил Василий Иосифович. Он взлетел за нами на своем истребителе. Ох, и бесстрашный был!..»

Высокую оценку тогда за помощь в ликвидации прибалтийской группировки противника истребители 3-й гвардейской авиадивизии получили от командования механизированного корпуса, с которым они взаимодействовали. «Нужно особо отметить, – докладывал командир мехкорпуса генерал-лейтенант Обухов, – бомбардировку переправ на реке Западная Двина истребителями дивизии полковника Сталина».

Благодарность летчикам 3-й гвардейской за боевые действия в районе окруженной немецкой группировки восточнее Минска выразил и командир 1-й Смоленской истребительной противотанковой артиллерийской бригады РГК полковник Пилипенко. «Командир 3-й ИАД полковник Сталин, – отмечал он, – находясь на наблюдательном пункте, добился прекрасных результатов взаимодействия с артиллерией по уничтожению немецких войск... Благодарность ему от личного состава бригады за хорошую слаженность и смелость летчиков-гвардейцев и умелое руководство ими в бою!»

1944-й уходил в историю. За год дивизия полковника Сталина провела 19 перебазирований, оставив за собой свыше 2000 километров освобожденной от захватчиков нашей земли. Летчики-истребители 3-й гвардейской совершили за этот период 7536 боевых вылетов, 263 воздушных боя, в которых сбили 364 самолета противника.

Обо всем этом я узнал значительно позже – когда перевернул тонну архивных бумаг. А в начале пути все еще стоял 19-летний летчик Володя, о котором я все-таки написал повесть. Однополчане его помогали мне, как могли, и в тех встречах, разговорах о былом никто даже слова плохого не сказал о Василии Сталине, их командире, осужденным несправедливым судом и оклеветанным лживой хрущевской пропагандой. На аэродромах все хорошо знали сына Сталина, он был равнодушен к чиновничеству и доступен любому. Не случайно пилоты между собой называли его просто Вася. И то сказать, ни генеральские лампасы, ни ордена, ни высокие должности не меняли строя его души – Василий Сталин, прежде всего, оставался летчиком. За это его и любили.

Помните, Александр Иванович Куприн писал о первых русских летунах: «Постоянный риск, ежедневная возможность разбиться, искалечиться, умереть, любимый и опасный труд на свежем воздухе, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота – все это как бы выжигает, вытравливает из души настоящего летчика обычные низменные чувства – зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь – и в ней остается чистое золото»...

Чутьочку бесшабашный в обычных полетах, дерзкий, отчаянный в воздушных боях, Василий Сталин жил без страха за будущее, без спасительного благоразумия и, когда мастерские Лубянки, силясь обвинить его во всех смертных грехах, тянули на расстрельную статью, он соглашался с ними и подписывал всякую чертовщину! Но однажды восстал.

Чекисты хотели, было, обвинить генерала Сталина в измене Родине. И, готовый ко всему, Василий бросил тогда своим палачам вызов: «В отношении чести и Родины я чист! Родина для меня это отец, это мать!..» Слова того допроса сохранились в протоколах. Но тему эту на Лубянке закрыли. Похоже, поняли – тут сына Сталина им не сломить...

Все, о чем я здесь пишу, не сразу, а как-то подспудно, порой, одной запомнившейся фразой входило в душу, понемногу заполняло ее, и в какой-то момент я понял то, о чем боевые друзья Василия Сталина давно знали, во что твердо верили и ждали – имя их командира рано или поздно вернется народу чистым.

Ни «красные», ни «белые» володеть Россией почему-то не шли. И вот, как газ нервно-паралитического действия, под заклинания последнего генсека бескрайние просторы великой державы окутал ядовитый туман «общечеловеческих ценностей». Мы получили разухабистую горбачевскую гласность. Были сняты все запреты при издании книг, не стало военной цензуры. И если раньше историки и специалисты по тем же мировым войнам колебались... вместе с линией партии, то с «перестройкой», по установкам ее главного идеолога А. Н. Яковлева, уже вся русская история безбожно перекраивалась – словно никогда и не было великой Российской империи. Коммунист-перевертыш Яковлев обвинял русский народ в нецивилизованности, «рабском характере», ему подпевали книжники и фарисеи с двойным да тройным гражданством. Открыто лепили: «Россия – сука!» Или вот – поэтический образчик:

Я говорю о нас, сынах Синая;
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.
Мы ели хлеб их, но платили кровью.
Счета сохранены, но не сведены,
Мы отомстим – цветами в изголовье.
Их северной страны.
Когда сотрется лыковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный караул...

Русский народ унижали, по национальной гордости русского народа наносили удар за ударом. Стоит ли говорить, что с такой гласностью книга о сыне Сталина не могла остаться в рамках биографической хроники да рассказах о бесстрашном командире и его воздушных боях. Так, уже подзаголовок на титульном листе книги приоткрывал более широкий замысел ее:

«Сочинение на свободную тему, где главным героем летчик Василий по фамилии Сталин. А не главные – отец его, Иосиф, интернационалисты Бела Кун, Карл Радек, латышские стрелки, Троцкий, Гитлер, Маркс, Берия, Ульянов. А еще Гельфанд-Парвус – деятель социал-демократического движения, который совдепы, то есть советскую власть, придумал, потом теорию перманентной революции и подарил все это Троцкому. А до этого Израиль Гельфанд-Парвус презервативами торговал и прочая, прочая».

Книга под названием «Заложники времени», строго документальная, без расчета на вкус обывателей, рассказывала о «летчике Василии» в контексте жизни страны, ее революции, к которым батюшка Василия имел прямое отношение. Возможно, поэтому она и вызвала живой интерес читателей. Первым по-доброму о «Заложниках времени» в еженедельном обзоре литературы на одном из телеканалов отозвался известный артист Л. Куравлев, следом прошла информация по радиоволнам, потом полетели телефонные звонки. Тогда же оперативно сработал лондонский корреспондент Эндрю Хиггинс. Похоже, рассчитывая в интервью для своей газеты «Independet» на «клубничку» из жизни золотой кремлевской молодежи, битых два часа он выпытывал меня – и не только о сыне Сталина. Последний вопрос, помню, был о Ельцине – что, мол, я думаю о первом российской президенте. Скажу откровенно, меня смущала

переводчица англичанина, и мысли по этому поводу я старался формулировать, по-возможности, интеллигентно. Потом же, прокрутив диктофонную запись, услышал свою речь. Она была подобна выступлениям эстрадника Винокура – с его «е...» да «б...». Хиггинс в какой-то момент отключил свою записывающую аппаратуру, что-то вдруг заторопился и водку со мной, по-русскому обычаю, пить не стал.

А вскоре, испросив разрешение на встречу с автором изданной Военным издательством книги, целой это компанией бодро, можно сказать, весело ко мне завалились американцы. Сверкая зубами, поочередно представились, и тут я понял, что все они – люди военные, что заняты поиском погибших в Корейской войне своих летунов, а возглавляет эту их энергическую деятельность на святой Руси известный генерал-полковник Д. Волкогонов, доктор разных марксистских наук.

С американцами-то было проще. После беглого знакомства мы сразу порулили на кухню, я выставил на стол воз бутылок с крепкой убойной силой и пошли пиры-беседы! Чем на самом-то деле занимались мужики – кто знает... За океаном у них уже побывал отец русской демократии, там полюбовались на Борис Николаича, вычислили его харизму – оказалась вполне подходящей для Иванушки-то дурачка. Потом его катали на вертолете вокруг статуи Свободы, отчего сударь пришел в дикий восторг! А дальше известно. Врагов на всем белом свете у нас не стало. У «всенародноизбранного» все президенты, короли и султаны оказались корешами. «Друг Билл... друг Коль...» Встречи без галстуков...

Джентльмены из совместной американо-российской комиссии по делам военнопленных и пропавших без вести, как выяснилось после третьего стопаря, получили у нас уже свыше 12 000 страниц совершенно секретных документов. Но, по их мнению, следовало еще пошарить архивы этого нашего президента, Министерства обороны, Министерства иностранных дел, Службы внешней разведки и пограничных войск. Дружба «без галстуков» обходилась нам не дешево...

Вскоре демократическую Россию оставлял один из «поисковой команды» американцев Коля Троян. Все его предки – русские. Дед, адмирал русского флота Троян, был известным флотским командиром. Когда Россия оказалась в руках комиссаров Гельфанда-Парвуса и Троцкого, многие русские эмигрировали. Так что Коля, внук адмирала, родился за бугром, но где-то в глубине души и у него отзывалось неизъяснимое чувство принадлежности к некогда великой Российской империи. Видимо, потому на прощальный вечер Коля пригласил много новых знакомых из москвичей и было, как водится у русских, шумно и весело.

Провожали товарища по работе и американцы. Чуть запоздав, к застолью явилась, прямо скажу, очаровательная женщина – бывший майор разведки, миллионерша, а еще подруга жены министра иностранных дел А. Козырева. С ней она устраивала благотворительные концерты для детишек, а между концертами на российских просторах раскрутила такой бизнес! – куда там нашим теткам. Имя у миллионерши библейское – Ребекка О'Брайен. Я подарил ей на память о России, о нашей встрече свою книгу, и она тут же объявила: «Сделаю тебя миллионером!»...

Верю, порыв Ребекки был от души. В Америке ее знали короли издательского дела и Коля Троян не сомневался, что «Заложники времени» станут бестселлером. Но ряд моментов в книге оказались не под силу ни ей, ни ее влиятельным покровителям, о чем недвусмысленно заметил один из читателей «Заложников» – полковник ВВС США Билл Сакс. Он взволнованно писал о книге: «Это глоток свежего воздуха! Это пристальный взгляд на то, что происходило на самом деле...». И как приговор: «Но у нас, в Штатах, такую книгу не издадут»!.. Добрый читательский отзыв прислал из Белоруссии Павел Боянков, священник православного братства во имя Архистратига Михаила, но тоже с оговоркой: «Многие страницы книги могут вызвать чье-то недовольствие. Мы хорошо знаем чье...» – и советовал не обращать внимания на тех недовольных.

Я был признателен белорусскому батюшке за добрый совет. Но вот почему полковник Сакс, восторженно отзываясь о книге, был убежден, что в Соединенных Штатах ее не издадут? Америка меня не интересовала – я о ней не писал. Хотя и мог бы катануть бочку на устроителей нового мирового порядка. Помню, в дежурном звене, на границе с Западной Германией, при каждом подъеме на перехват, как тогда говорили, «вероятного противника», мы крыли американцев трехэтажным матом, и я очень жалел, что, после летного училища, оказавшись в «китайском» полку, не успел повоевать с ними в небе Кореи...

Так, по поводу сомнений Билла Сакса. Ясность в это внес его земляк подполковник Лестр Грау. Как он меня отыскал не знаю, но при встрече, прежде всего объявил: «Я не шпион!» А затем по-деловому повел такую вот речь о переводе моей книги на английский: «Мой товарищ прочитал «Заложники». Он эксперт, знает русский историй. Интересный книг. Но... малэнки проблем: евреи, масоны... Это трудно на Запад. Можно поставит, что это обичный теорий в России, так автор думает. Я знаю четыре масонов – нормальни люди. В Америке бил сэкрэтар компартии Гесс Холл, он говорил, что четыре еврея правят весь мир. Ну разве так? Я буду писат в ревью, говорит несколько издательств. Ви хотите полный книг или дайджест?..»

Вот, оказывается, что имел ввиду полковник Сакс, говоря о невозможности появления моей книги в Штатах – стране, где немало русских, рожденных там, в эмиграции. Им-то, думаю, не безразлична история России, крушение империи в начале века, о чем – в связи с именем Сталина – я невольно писал в «Заложниках времени». К слову, в одном месте перечислил «германских путешественников», просквозивших в запломбированном вагоне через всю Германию – это во время ее войны с Россией. Ох, веселенькая компания катила тогда к нам! Абрамович, Айзенбунд, Арманд, Бриллиант, Гоберман, Гребельская, Константинович, Кон, Линде, Мирингоф, Морточкина, Пейнесон, Погоская, Раввич, Радомысльский, Ривкин, Розенблюм, Сафаров, Сковно, Слюсарева, Сулишвили, Ульянова, Усиевич, Харитонов, Цхакая. Все – творцы русской революции.

Еще вот упомянул специалистов по революциям, которые торопились из Штатов в Россию во главе – тут уж ничего не поделаешь – с масоном! – Лейбой Троцким, точнее, Бронштейном. Однообразен был список борцов за счастье Иванова, Петрова да Сидорова: Авербух Шмуль Лейб Иосифович, Аксельрод Товия Лейзеров, Альтер Эстера Израилевна, Бронштейн Роза Абрамовна, Вонштейн Израиль Аронович, Гольдштейн Абрам Борисович, Мовшович Моисей Соломонович, Нахимзон Меер Ицкович, Пейнесон Семен Гершович, Райн Рафаил Абрамович, Розенберг Лев Иосифович, Рохлим Мордка Вульфович, Тойбисман Ветя Израилевна, Цедербаум Юлий Осипович, Цукерштейн Соломон Срулев, Шейкман Аарон Лейбович, Шейнис Исер Хаимович, Шмулевич Эстер Исааковна, Эренбург Илья... И так далее.

Все это – дела давно минувших дней. Но вот, оказывается, в Штатах неуютно кому-то даже напоминать о том. Однако в книге страницы истории моей Родины и мне о ней судить, а не заезжим молодцам. Как все это было объяснить милейшему майору О'Брайен?..

Проблема разрешилась сама собой. Ребекка на мои оговорки о запретных темах для воспоминаний и размышлений решительно заключила: «Так ведь это – история!..» Тут и я спорить не стал.

А вскоре ее телефонный звонок расставил все по местам. Спортсменка, миллионерша и просто красавица, Ребекка пронзительно выкрикнула в трубку: «Станислав, что ты наделал!.. – и взволнованно принялась объяснять свое огорчение: – Я говорила с вице-президентом... Его издательство второе в Америке – «Мак Миллан Камен энд Чюстар». Но начало книги мы не можем давать. Там о евреях! Евреи очень сильные, очень большие люди. Очень сильная группа. Сейчас они не хотят думать о прошлом, хотят забыть о старом. А все хотят узнать, почему евреи сердятся... Честно говоря, я не знаю...»

Мне стало жалко Ребекку, ее пустые хлопоты, напрасно потраченное время и, как мог, стал успокаивать ее, мол, не велика беда, что в Америке не узнают о судьбе сына генералисси-

муса Сталина, что страницы нашей истории, правда окаянных дней революций, переворотов, гражданской войны нужны нам, русским, а не американцам. Короче, успокоил подружку мадам Козыревой. А опыт бывшего майора разведки подсказал ей решение – больше не выходить на связь со мной по рабочему телефону. И, похоже, правильно: ЧеКа не дремлет...

Однако об американцах здесь сказано к слову. Бомбардировщики из Штатов продолжали мирно бомбить югославские города, Афганистан, Ирак... На глобусе было немало еще и других стран. Так что летчик Василий по фамилии Сталин штатовских миротворцев в их глобальных заботах не мог интересовать. Но, чтобы быть объективным, – в годы Великой войны мы все-таки сотрудничали с американцами – приведу здесь еще письмо – от одного калифорнийца. Читать его лучше в первоизданном виде. Почувствуйте теплоту искренних строк простого американца.

«Автор Грибанов в этой работе исполнил великий труд. Эта книга открывает глаза. Она не долбит, а на-абарот, дает четателью что-бы они сами пришли к своей личный точки зрение. Автор дает всем которые достойне похвалы, той же самый равномерность. Его книга заставляет чтобы четател думал! Да эта книга для тех которые емеют думать. Факт всегда остается фактом. Нравется или не нравится.

Я желаю всем прочесть эту прекрасную книгу. Мне только одно жалко, что ее нет на английском языке.

Серж Маше».

Оказалось, что «емеют думать» и в Австралии, и в Германии, и в Польше, и в Румынии, и в Китае. «Заложники времени» побывали на книжной ярмарке во Франкфурте, возможно, поэтому так дружно на нее среагировали немцы – известный в Германии историк доктор Эрхард Мориц, предприниматель Гайнц Вильгман, президент одной из фирм Гюнтер Папенбург. Странное совпадение: к 50-летию нашей Победы в Великой Отечественной войне, именно 9 мая, я получил письмо от знаменитого аса «люфтваффе» генерала А. Галланда. Командующий истребительной авиацией с 1941 по 1945 год, он не мудрствовал в штабах над картами – на Западном фронте Адольф Галланд совершил 425 боевых вылетов и одержал в воздушных боях 104 победы. Так что высокая оценка нашим бывшим противником книги о Василии Сталине – боевое приветствие аса: «Харридо от истребителя к истребителю!» – означало и мою победу.

Не так лихо выразил свой взгляд по тому же поводу регент православного Покровского собора в Мельбурне Николай Коваленко: «Думаю, не просто увидеть свет таким книгам. Тем ценнее они и дороже сердцу русского человека. Храни Господь автора, дай ему сил и впредь писать только правду». Именно русские люди, не разучившиеся думать, первыми и отозвались на книгу, которая незаметно для самого автора вышла за рамки рассказа о судьбе летчика Сталина.

Бывший командующий Дальней авиацией Герой Советского Союза Василий Васильевич Решетников прямо на титульном листе «Заложников времени» размашисто, похоже, от души написал: «Ну что тут скажешь? Станислав I степени!»

Свою признательность автору так же эмоционально выразила и одна из немногих женщин, в годы войны летавших на самолетах-штурмовиках, Герой Советского Союза Анна Александровна Тимофеева-Егорова: «Никто такой книги не писал и не напишет! У меня ее полгоспиталя читали, только что вернули мне... Спасибо за книгу и правду в этом замечательном труде!» А Мария Кузьминична Покрышкина, жена прославленного летчика-истребителя заметила так: «Нужно было иметь храбрость и смелость – взяться за такое дело. Вы взвалили на себя большой труд, подняли огромные пласты. Но они требуют широкого осмысления... Вот так вот никто еще не писал – открыто... Очень смело сказали о Сталине. «Если бы не Сталин, то войну бы мы не выиграли», – так Александр Иванович говорил»...

Позвонил как-то известный русский публицист, знаменитый на весь мир спортсмен, депутат Государственной Думы Юрий Петрович Власов: «Вы прекрасную книгу написали. Прочитал с огромным наслаждением. Оставлял на вечер, как самое лучшее чтение. Язык очень хороший, подход оригинальный. Книга настолько нужна сейчас. Так наклеветали на нас...».

Много читательских отзывов было из Украины: Н. Волков (Краматорск), В. Цуриков (Кривой Рог), В. Фуртатов (Одесса), И. Титаренко (пос. Кленовый), о. Михаил (храм в селе Селище), Н. Моисеенко (село Терноватое), киевляне В. Омельченко, Б. Швайченко, Т. Супрун, Л. Джигуль, К. Дмитриев, В. Кокушко, С. Сокол. Из Белоруссии – В. Дудник, И. Защитин, П. Горбань, Л. Шукин (Минск), Н. Растегаев (Бобруйск), А. Дубинский (Слуцк); из Казахстана – Ю. Малов (Ленинск); из Грузии – Е. Джугашвили; из Молдавии – Симонов (Бендеры); из Латвии – В. Петерсон (Рига)...

Но особенно много писем было из городов и весей России – писали учителя, историки, инженеры, летчики, ветераны войны, писатели, журналисты. Чтобы не продолжать дальше этот перечень, приведу всего несколько слов из письма врача А. Г. Ловчиковой. «Я смеялась и плакала, когда читала, – делится своим настроением Александра Григорьевна. – Смеялась над Волкогоновым. Плакала над кончиной Василия Сталина...»

Согласитесь, такое признание дорогого стоит. Значит, автор «дал всем которые достойне похвалы, той же самой равномерность», – и масонам и не масонам. «А факт всегда остается фактом. Нравится или не нравится». Это уж так! Мне тогда одно было жалко – факта не встречи с Капиталиной Георгиевной Васильевой, женой Василия Сталина. Конечно, думалось мне, Капиталина Георгиевна могла много рассказать о Василии. Годы, прожитые вместе, счастливые мгновения жизни и мучительная тяжесть тюремных лет – дорога в камеры Владимирского централа, короткие встречи в их стенах, расставания, одиночество и снова ожидание встреч... Однако во время подготовки «Заложников времени» от встречи Капиталина Георгиевна отказалась и, по-своему, была права. Слишком часто недобросовестные люди, «служа неведомым богам», (а то и вполне «ведомым» – зеленой бумажке с портретом бородатого мужика из Штатов) беззастенчиво ввалили и об отце, и о сыне его.

Ну, а когда книга вышла в свет, когда Капиталина Георгиевна прочитала ее, препятствий для нашего знакомства не осталось, и мы на долгие годы сохранили самые теплые дружеские отношения.

«Лично дисциплинирован, летать любит»

Король перевернутых бреющих полетов – это когда над самой землей вниз головой летишь, он же мастер бесстрашных атак в небе Мадрида и Гвадалахары, летчик-истребитель Георгий Захаров вдруг растерялся. Киношник Кармен, приятель по встречам на испанских аэродромах пришел к нему какой-то взъерошенный, возбужденный и заявил, что собирается застрелить Васю Сталина. Мол, он с его женой Ниной закрылись в квартире Пашки Федрови, целую неделю не вылезают оттуда и никого видеть не хотят.

Захаров посмеялся, глядя, как Кармен разыгрывает роль ревнивого мужа. Но, встревоженность приятеля, как выяснилось, была не без оснований. В доме неподалеку от бывшего «Яра», где когда-то звучала Соколовская гитара, пели цыгане и кутили московские да петербургские знаменитости, в квартире – по совпадению, цыгана же! – летчика-испытателя Федрови Василий действительно встречался с Ниной.

Поняв, что над старым «Яром» стущаются суровые тучи, Захаров ринулся в атаку:

– Да ты что! Сына Сталина...

– Нет, застрелю! – не унимался Кармен.

– Выбрось это из головы. Что нынче за мода пошла: чуть что – расстреляю! – рассудительно сдерживал гнев приятеля «испанец» Георгий. – Вот послушай-ка...

И родился план – отписать письмо батюшке Василия... Иосифу Виссарионовичу. Сомнения при этом конечно же были – тревожить вождя народов или как-то обойтись, по домашнему самим разобраться?.. Решили писать. Надежду на успех задуманного поддерживала родственная – в прошлом – связь Кармена с Ярославским. Миней Израйлевич Губельман (Ярославский), важный кремлевский придворный, в просьбе не отказал. Так что боевой маузер Кармену не потребовался.

А Иосиф Виссарионович прочитал то письмо и рассудил, как и следовало было ожидать, мудро – почти как царь Соломон.

«Верните эту дуру Кармену, – написал он на полях «телеги» и добавил: – Полковника Сталина арестовать на 15 суток».

Вождь всех народов многословия не любил, мысли свои излагал просто и лаконично. Так что Василий угодил на гауптвахту в Алешинские казармы, добросовестно отсидел там положенное наказание, а вышел – его ждал еще один сюрприз. Приказом отца полковника Сталина сняли с должности начальника инспекции ВВС.

Жена Кармена, московская красавица Нина Орлова, то ли по воле вождя, то ли в силу каких-то других причин, но после бегов вернулась домой. Пришлось, конечно, выслушать дидактическое наставление мужа на тему одной из библейских заповедей. Как уж там все дальше обошлось – кто знает. Известно лишь, что Кармен, заметив у жены красивые дамские часики, спросил:

– Это Вашины?

– Да, – ответила Нина.

Кармен сквозь зубы протянул:

– Ца-ре-вич... – Потом взял те часы и грохнул по ним утюгом, чем как бы поставил точку над старой как мир еще одной любовной историей.

Так уж вышло: теми днями, а было это в конце она тысяча девятьсот сорок второго года, разбился летчик Клещев. Именно разбился, а не погиб от рук врага: в яростных воздушных атаках не нашлось равных ему. За полтора года войны 23-летний командир полка Иван Клещев одержал 51 победу!

И вот в канун нового года с одного из полевых аэродромов, где-то под Тамбовом, он взлетел на истребителе, чтобы без лишних проблем да поскорее добраться до Москвы. За бро-

неспинкой боевой машины Иван пристроил двух гусей, которых достал у крестьян из соседней деревушки – чем не подарок для праздничного стола. Но торопился пилот напрасно. Погода была явно нелетная – хмурая облачность опустилась до самой земли. Едва взлетел – началось обледенение. Так что утром на аэродром пришел крестьянин и сказал: «Там самолет упал. В кабине летчик и два гуся»...

Много лет пройдет с тех пор. Однажды, вспоминая тревожные часы ожидания той давней новогодней ночи, известная актриса кино Зоя Федорова с грустью отзовется о майоре Клещеве: «Хороший был парень Ванечка...» Скажет, и за этими словами навсегда унесет с собой тайну двух любящих сердец.

Может, в самом деле, не столь уж и легкомысленно то замечание наблюдательных французов: «Шерше ля фам»...

Во всяком случае, как-то вот сошлось: 434-й истребительный авиаполк, который так тщательно собирал под Сталинградом Василий Сталин, оказался без командира. Боевой коллектив отметили гвардейским званием – полк был переименован в 32-й гвардейский и, перелетев на Калининский фронт, включился в работу на Великолукском направлении. Сюда-то и прибыл снятый с должности начальника инспекции ВВС полковник Сталин.

Сохранились записи вылетов в эти напряженные дни.

Вот десяткой истребителей группа ушла на прикрытие наших войск в район Хмели. В 13 часов 36 минут взлетели Сталин, Герасимов, Якушин, Коробков, Долгушин, Батов, Шишкин, Гнатенко, Луцкий, Хользунов. Задание выполнили. Но при возвращении летчики попали в такой снегопад, что свой аэродром не нашли, и сели в Старой Торопе.

Странно читать о сыне Сталина обывательские импровизации. Маршал Савицкий поставил как-то под сомнение сбитый Василием самолет. Маршал заявил в газетном интервью, что летал-де Василий с няньками. Эх, добро бы рассуждал так дилетант, человек некомпетентный в летных делах – а то ведь летчик! Неужто неизвестно, что истребитель в боевой машине всегда один. Если летят на задание парой, звеном или эскадрильей – так это принятые боевые порядки. В той же паре ведомый – щит ведущего. А опытный ведущий разве бросит в беде своего напарника?

Так кто же здесь нянька?..

26 февраля Сталин вылетел на задание с Ореховым и был тогда ведущим пары. Орехов, что ли, нянька? Да, Владимир Александрович опытный воздушный боец, на него можно было положиться в любой схватке с противником. Но в тот же день Василий летал со Степаном Микояном – и опять ведущим. А Степан-то совсем молодой пилот...

Были боевые вылеты командира истребительного авиаполка Сталина в паре с Власовым, Луцким, Якимовым. А то уходил на задания вообще один. Например, 8 марта, 9 марта.

...Напряженность боевой работы все нарастала. В начале марта Василий вылетал на задания почти ежедневно, иной раз делал по три-четыре боевых вылета в день. Об этом рассказывают штабные документы, те же политдонесения.

Заместитель командира полка по политической части майор Стельмашук 9 марта сообщал в дивизию следующее:

«С 1 по 7 марта было сделано на сопровождение самолетов Ил-2 в район цели, а так же прикрытие своих войск 227 боевых вылетов, проведено 10 групповых воздушных боев. Сбито 20 самолетов противника, из них ФВ-190 – 8 самолетов, Ме-109 – 12 самолетов. Образцы боевой работы показывали летчики-коммунисты:

гв. старший лейтенант Лепин, сбивший 2 самолета Ме-109 гг;

гв. капитан Почечуев, сбивший 1 ФВ-190 и 1 Ме-109ф;

гв. лейтенант Марков, сбивший 1 ФВ-190 и 1 Ме-109 гг;

гв. младший лейтенант Разуванов, сбивший 2 самолета ФВ-190.

Один самолет ФВ-190 сбит лично гв. полковником Сталиным.

Исключительную отвагу проявил в воздушном бою 5 марта в районе Коломна и западнее коммуны имени Крупской Герой Советского Союза гв. капитан Холодов. Патрулировавшие наши 4 самолета, где старшим был тов. Холодов, встретили до 5 Ме-109 гг и 5 ФВ-190. В завязавшемся неравном бою, видя явное превосходство сил противника, после нескольких атак гв. капитан Холодов таранил Ме-109 гг, сам выбросился на парашюте. Таран подтверждает пленный немецкий летчик, тоже выбросившийся на парашюте.

В этом же бою, беря пример со своего командира, гв. капитан Коваль пошел на таран и таранил самолет противника ФВ-190, отрубив ему винтом хвост, сам произвел посадку на р. Ловать; был доставлен в тяжелом состоянии в госпиталь, поломав при посадке ввиду неуправляемости самолета обе руки и ногу. На тараненном немецком самолете ФВ-190 оказался летчик-майор. Таран подтверждают командиры зенитной батареи и летчики Лепин и Макаров...»

Далее майор Стельмашук доносил в политотдел дивизии о делах на земле:

«Заседанием партийной комиссии принято в ряды ВКП(б) – 5 человек.

Выпущен 1 номер стенгазеты.

Вывод: политико-моральное состояние полка хорошее, полк готов выполнять любую задачу».

Комиссар 32-го гвардейского авиаполка, как всегда, был педантичен в своих политдонесениях: два тарана, одна стенгазета, две поломанные руки и одна нога...

Остается добавить, что тот боевой вылет, когда истребителям 32-го гвардейского пришлось таранить противника – дважды в одном бою – проходил на высоте 200 метров и ниже. Они сошлись с большой группой «мессершмиттов» и «фоккеров». Завязался тяжелый бой. Наши летчики, как видно из политдонесения, стояли насмерть. Два «фоккера» бойцы сбили тараном. Один, горящий от атаки Василия Сталина, упал в районе деревни Семкина Горушка. Там же свое место нашел и «фоккер», сбитый младшим лейтенантом Вишняковым.

Назову всех участников того боевого вылета: Холодов, Макаров, Баклан, Коваль, Сталин, Лепин, Шульженко, Вишняков.

Интересно, кто у кого в той огненной метели был нянькой?!

На крутых поворотах истории, в годы государственной смуты замечено увлечение публики различными предсказателями, астрологами, экстрасенсами, просто колдунами. Муторно на душе – вот и тянет ко всяческой чертовщине! Впрочем...

Как-то на Белорусском вокзале столицы два с виду вроде бы интеллигентных мужика установили рядом с сапожной лавкой аппаратишко какой-то. Назови число, месяц, год рождения – пять рэ на банк – и готов весь расклад твоей жизни с января по декабрь, так называемые биоритмы состояния.

Так ли, не так, но вот в судьбе Василия Сталина один месяц – март.

В этом месяце, 19 числа, 1921 года Василий родился. В марте 1940 года он окончил Качинскую школу летчиков и получил первичное воинское звание – лейтенант.

11 марта 1943 года его наградили орденом Александра Невского.

1 марта 1946-го постановлением Совнаркома СССР Василию Сталину присвоено воинское звание генерал-майор авиации.

5 марта 1953 года умер отец Василия.

26 марта 1953 года приказом министра обороны Василия Сталина уволили из кадров Советской Армии.

19 марта 1962 года смерть Василия.

Такой вот получается расклад – без компьютера. Если же еще обратиться к хронике военных лет, к тому весеннему месяцу, когда в Россию возвращаются жаворонки, заметим, что 5 марта в воздушном бою над Семкиной Горушкой Василий Сталин сбил и самолет противника – ФВ-190.

21 марта пятеркой «яков» Василий сопровождал правительственный «дуглас» на участке маршрута Калинин – Москва. Задание с ним выполняли тогда Власов, Бабков, Орехов, Луцкий. Это был последний вылет Василия в компании лихих пилотяг, которых он собрал в полк еще под Сталинградом.

23 марта поступило распоряжение: 32-му истребительному перелететь на подмосковный аэродром Малино. Предстояло укомплектование полка людьми, боевой техникой. 1-й истребительный авиакорпус, в который входил полк Сталина, выводили из боев – начиналась подготовка к Курской битве. Но вместо аэродрома Малино Василий приземлился всем полком на одном из полевых аэродромов.

«Пилотам надо отдохнуть», – принял он командирское решение. И отдохнули...

Выписки из политдонесения о чрезвычайном происшествии в 32-м гвардейском истребительном авиаполку

«...Происшествие произошло при следующих обстоятельствах. В 15.30 группа летного состава, состоящая из командира АП полковника Сталина В. И., Героя Советского Союза подполковника Власова Н. И., заместителя командира 3 АЭ, Героя Советского Союза капитана Баклан А. Я., заместителя командира 2 АЭ, Героя Советского Союза капитана Котова А. Г., заместителя командира 1 АЭ, Героя Советского Союза Гаранина В. И., командира звена старшего лейтенанта Шишкина А. П., инженера по вооружению полка инженер-капитана Разина Е. И., вышла на реку Селижаровка, находящуюся в 1,5 километрах от аэродрома, на рыбную ловлю.

Бросая в воду гранаты и реактивные снаряды, глушили рыбу, собирая ее с берега сачком. Перед бросанием реактивного снаряда инженер-капитан Разин предварительно ставил кольцо капсулы детонатора на максимальное замедление (22 секунды), отворачивал ветрянку, а затем бросал снаряд в воду. Так им лично было брошено 3 реактивных снаряда. Готовясь к броску последнего реактивного снаряда, инженер-капитан Разин вывернул ветрянку – мгновенно произошел взрыв в руке, в результате чего 1 человек был убит, 1 тяжело и 1 легко ранен...»

Такое вот вышло приключение на рыбалке у реки. Тем, легко раненным, выпало быть Василию. Осколком реактивного снаряда ему раздробило пятку правой ноги.

Да, что-то, видно, недосмотрел, что-то недодумал комиссар Стельмашук в плане культурно-массовой работы среди истребителей 32-го авиаполка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.